Л. Сѣдовъ.

16

ПРИНЦИПЫ ЭВОЛЮЦІОННОЙ ТЕОРІИ И СОЦІОЛОГІЯ.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собствен. домъ.
1904.

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія".

Принципы эволюціонной теоріи и соціологія.

Изумительные успѣхи естественныхъ наукъ въ 19 в., особенно во 2-й его половинѣ, не могли не выдвинуть ихъ на первый планъ. Не мудрено было и увлечься, поддаться мысли о всеобъемлемости естествознанія, о примѣнимости его методовъ для рѣшенія всѣхъ вопросовъ жизни. Отъ этого увлеченія были не свободны многіе, даже оченъ сильные, умы 19 в., считавшіе совершенно возможнымъ изучать и общественную жизнь человѣка при помощи обычныхъ естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія. Въ дѣйствительности же обществовѣдѣніе далеко не поглощается естествознаніемъ.

Задача естествознанія заключается въ томъ, чтобы помочь намъ разобраться въ окружающемъ насъ мірѣ явленій, выяснить, въ чемъ именно они состоятъ, въ какой причинной зависимости находятся одни отъ другихъ. Очень многія явленія въ общественной жизни человѣка могутъ, конечно, быть объектомъ естественно-научнаго изученія, какъ и общественная жизнь пчелъ, муравьевъ и т. под. Такое естественно-научное изученіе является необходимымъ, но оно не будетъ исчерпывающимъ и не будетъ изученіемъ соціологическимъ. Предположимъ, напримѣръ, что мы имѣемъ дѣло съ фактомъ большой дѣтской смертности въ данномъ округѣ. Мы ставимъ вопросъ о причинахъ ея и выясняемъ, что она является результатомъ заразныхъ болѣзней, а въ числѣ причинъ появле-

нія этихъ заразныхъ болѣзней выясняемъ вліяніе бактерій, дурного питанія, слабости организма родителей и т. п. При такомъ методѣ изученія мы остаемся все время въ области естествознанія. Нужно перемѣнить самую точку зрѣнія, чтобы перенестись въ область соціологіи и выяснить рядъ не только естественныхъ, но и общественныхъ причинъ, которыя вызываютъ огромную дѣтскую смертность.

И такъ вездѣ. Всѣ тѣ явленія общественной жизни человѣка, которыя доступны естественно-научному изученію ихъ причинъ, во все время такого изученія остаются исключительно естественно-научными фактами. Чтобы они пріобрѣли соціологическое значеніе, нужно изучить ихъ съ точки зрѣнія регулированія ихъ законами и обычаями человѣческихъ обществъ, ихъ зависимости отъ общественнаго строя.

Такимъ образомъ не столько самый предметъ изученія, сколько *точка зрѣнія* этого изученія, его *методы* дѣлаютъ обществовѣдѣніе отдѣльной отъ естествознанія, совершенно самостоятельной наукой. Наука эта изучаетъ человѣка не какъ естественно-научный объектъ, а какъ члена общества, изучаетъ взаимоотношенія общественно связанныхъ людей съ точки зрѣнія внѣшняго регулированія ихъ. Поскольку это регулированіе является внутреннимъ, т.-е. обусловленнымъ естественными причинами, его изучаетъ естествознаніе, соціологія же имѣетъ дѣло именно съ внѣшнимъ регулированіемъ, т.-е. съ регулированіемъ тѣми правилами (законами, обычаями, приличіями, условіями и т. д.), которыя существуютъ ради общественной связи или находятся въ зависимости отъ нея.

Въ связи съ точкой зрѣнія соціологическаго изслѣдованія стоитъ и другое важное отличіе обществовѣдѣнія отъ естествознанія. Въ соціологіи нельзя ограничиться однимъ изученіемъ факта, какъ онъ есть, и причинъ возникновенія его, причинной зависимости между нимъ

и послѣдующими явленіями. Люди подчиняютъ свою жизнь опредѣленнымъ правиламъ ради извѣстныхъ *цѣлей* и внѣ этихъ цѣлей нельзя и понять даннаго регулированія жизни. Поэтому и научное пониманіе общественной жизни можетъ быть достигнуто лишь при *телеологическомъ* изученіи ея, т.-е. изученія ея съ *точки зрѣнія цѣлей и средствъ*. Въ соціологіи намъ приходится говорить не только о томъ, что есть, но и о томъ, что *должно быть*, а это было бы совершенно неумѣстно въ естествознаніи. Послѣднее знаетъ только причины, но не цѣли.

Но объектъ соціологіи, человѣкъ, является не только частью общества, но и частью природы. И, какъ часть природы, онъ подчиненъ общимъ законамъ ея. Какъ все живое, онъ подчиненъ опредѣленнымъ *біологическимъ законамъ*, и соціологіи приходится считаться съ этими законами. Она должна изучить и ихъ съ своей спеціальной точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія благополучія человѣческаго общества. Естествознаніе познакомило насъ со многими проявленіями стихійной силы природы и позволило болѣе или менѣе познать свойства этой силы. Человѣкъ не ограничивается однимъ знаніемъ фактовъ, но и широко пользуется силами природы для своихъ практическихъ цѣлей. И чѣмъ глубже идетъ научное изученіе природы, тѣмъ значительнѣе становятся и техническія приложенія силы.

То же относится, конечно, и къ біологическимъ законамъ. Человѣкъ проникаетъ въ тайны жизни не ради одной потребности познать причину явленій. Онъ долженъ и можетъ подвергнуть законы жизни соціологическому изученію, выяснить, какое значеніе имѣютъ эти законы для общественной жизни, познать, возможно ли направить силы природы въ такую сторону, чтобы добиться наилучшихъ результатовъ съ точки зрѣнія человѣческаго благополучія.

Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ *біологическіе законы наслѣдственности, измѣнчивости, естественнаго*

и полового отбора, пользуясь интересною сводкой относящихся сюда данныхъ, сдѣланной Артуромъ Руппиномъ въ его книгѣ «Дарвинизмъ и обществознаніе» (Darwinismus und Sozialwissenschaft», Iena, 1903).

Человѣкъ не мыслимъ внѣ общества. Говоря словами Наторпа, «изолированный человѣкъ—такая же фикція, какъ и атомъ». Но, съ другой стороны, само общество является реальностью только потому, что оно состоитъ изъ живыхъ людей, съ опредѣленными физическими и психическими свойствами. Эти же физическія и психическія свойства не являются чѣмъ-либо случайнымъ. Они опредѣляются всѣмъ прошлымъ, особенно же свойствами предковъ. Еще меньше чѣмъ въ физическомъ и духовномъ отношеніяхъ человѣкъ можетъ освободиться отъ вліянія *наслѣдственности* въ вопросѣ о сословномъ и политическомъ положеніи.

Но если свойство даннаго поколѣнія въ высокой степени опредѣляется наслѣдственными вліяніями, то является вопросъ, нельзя ли, при посредствѣ наслѣдственности преобразовать свойства грядущихъ поколѣній, сдѣлать ихъ наиболѣе приспособленными къ рѣшенію культурныхъ задачъ человѣчества. Нельзя ли улучшить самый матеріалъ, изъ котораго слагается человѣческое общество, какъ улучшаютъ породу домашнихъ животныхъ и культурныя растенія. Соціологи и врачи часто ставили этотъ вопросъ. Въ древности уже Платонъ занимался его детальной разработкой. Онъ полагалъ, что улучшенія расы можно достигнуть лишь совмѣстнымъ дѣйствіемъ наслѣдственности и индивидуальнаго воспитанія (приспособленія). Культурные народы ограничиваются примѣненіемъ лишь второго средства, т.-е. воспитанія. И хотя давнымъ-давно признано ложнымъ положеніе, будто душа ребенка представляетъ бѣлый листъ бумаги, на которомъ можно написать что угодно, но практически до послѣдняго времени господствовало мнѣніе, что надлежащимъ воспитаніемъ можно сдѣлать пригоднаго члена общества изъ любого ребенка.

Только въ самое недавнее время получилъ всеобщее признаніе тотъ взглядъ, что физическія и психическія свойства человѣка опредѣляются, по меньшей мѣрѣ, въ той же степени наслѣдственностью, какъ и воспитаніемъ. Признаніе этого факта логически приводитъ къ принятію того положенія, что нужно облегчить задачи воспитанія устраненіемъ возможности унаслѣдованія дѣтьми такихъ свойствъ, которыя мѣшаютъ достиженію этихъ задачъ. Прирожденныя свойства дитяти должны быть таковы, чтобы открывать полную возможность цѣлесообразной работѣ воспитателя.

Правильное соціологическое разрѣшеніе вопроса о наслѣдственности возможно лишь послѣ точнаго естественно-научнаго рѣшенія его. Но въ послѣднемъ отношеніи онъ не можетъ считаться еще вполнѣ разрѣшеннымъ. Однимъ изъ очень спорныхъ пунктовъ вопроса о наслѣдственности является вопросъ о *наслѣдованіи* такъ наз. *пріобрѣтенныхъ свойствъ*. Одни (какъ, напримѣръ, Ламаркъ, Дарвинъ) признаютъ полную возможность наслѣдованія и такихъ свойствъ, другіе (Вейсманъ и др.) отрицаютъ эту возможность. Очень часто споръ здѣсь идетъ, впрочемъ, о словахъ, такъ какъ одни и тѣ же свойства иногда одними признаются прирожденными, другими—пріобрѣтенными. Но помимо того есть еще рядъ недостаточно изученныхъ фактовъ, не разобравшись въ которыхъ трудно дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ.

Чтобы выяснить законъ наслѣдственности, нужно обратиться къ явленію оплодотворенія. У человѣка оно состоитъ въ сліяніи зародыша, происходящаго отъ отца (сперматозоя), съ зародышемъ, происходящимъ отъ матери (яйцомъ). Сліяніе это происходитъ такимъ образомъ, что сперматозой, при помощи своего жгутика, придвигается къ яйцу и проникаетъ въ него. Какъ только это произойдетъ, сродство яйца, говоря химическимъ языкомъ, исчерпано, и прониканіе въ него другихъ сперматозоевъ становится невозможнымъ. Дѣленіемъ слившихся

клѣтокъ строится затѣмъ все тѣло новаго индивида. Въ слившихся клѣткахъ сперва происходитъ смѣшеніе одной протоплазмы. Ядра клѣтокъ нѣкоторое время остаются не слившимися. Затѣмъ они сближаются и теряютъ окружающую ихъ оболочку. Такъ называемыя хроматиновыя нити, составляющія существенную часть ядра, расщепляются затѣмъ пополамъ, при чемъ образуются два новыхъ ядра, изъ которыхъ каждое состоитъ наполовину изъ хроматинныхъ нитей ядра сперматозоя и ядра яйца. Во время этого процесса происходитъ дѣленіе на двѣ половины и всей клѣтки. Каждая изъ этихъ половинъ и содержитъ по одному изъ вновь образовавшихся ядеръ. Дѣленіе продолжается и дальше безостановочно: клѣточное ядро дѣлится на два ядра, и каждое изъ нихъ является центромъ новой клѣтки, при чемъ всякая изъ этихъ клѣтокъ содержитъ частичку матеріала, какъ отцовской, такъ и материнской зародышевой клѣтки.

Таковы существенные *факты*, касающіеся оплодотворенія. Изъ нихъ съ несомнѣнностью можно вывести лишь то, что новый индивидъ, для созданія котораго одинаково необходимъ матеріалъ какъ отцовскаго, такъ и материнскаго зародыша, долженъ одними своими свойствами походить на отца, другими на мать. Но этого, конечно, еще мало для полнаго отвѣта на вопросъ, и для разрѣшенія задачи наслѣдственности былъ предложенъ цѣлый рядъ теорій. *Теоріи* эти ссылаются на рядъ свойствъ зародышевыхъ клѣтокъ, но ссылки эти дѣлаются не на основаніи фактовъ, установленныхъ опытомъ, а на основаніи выводовъ, сдѣланныхъ изъ наблюденій надъ явленіями наслѣдственности. *Дарвинъ* и *Нэгели* предложили теоріи, доказывающія возможность передачи по наслѣдству «пріобрѣтенныхъ» свойствъ; *Вейсманъ* и *де-Фрисъ*, наоборотъ построили теоріи для объясненія, почему не можетъ имѣть мѣста, отрицаемое ими наслѣдованіе этихъ свойствъ [1]).

[1]) Старѣйшая изъ теорій наслѣдственности (теорія пангенезиса) была предложена *Дарвиномъ* въ 1868 г. Дарвинъ принималъ, что всѣ жи-

Если даже и принять взглядъ Вейсмана, что тѣ свойства родителей, которыя пріобрѣтены подъ вліяніемъ окружающей среды, и не передаются потомству, то косвеннаго вліянія обстановки и благопріобрѣтеннаго состоянія родительскаго организма отрицать невозможно. Новый организмъ развивается въ томъ или другомъ направленіи не только въ зависимости отъ той или иной структуры зародышевой клѣтки, но и въ зависимости отъ жизненной энергіи ея. А эта энергія обусловливается тѣмъ или

выя клѣтки тѣла, въ теченіе всей своей жизни, не только сами размножаются путемъ дѣленія, но и выдѣляютъ еще изъ себя мельчайшія частички (геммулы), обладающія способностью перебираться черезъ весь организмъ въ половые органы. „Эти геммулы,—говоритъ Дарвинъ,—собираются со всѣхъ частей тѣла, чтобы образовать половую матерію (т.-е. зародышевыя клѣтки); ихъ развитіе въ ближайшемъ поколѣніи создаетъ новое существо, но они способны также быть переданными въ покоящемся состояніи будущимъ поколѣніямъ и развиться лишь въ нихъ".

Видоизмѣненіе взглядовъ Дарвина представляютъ воззрѣнія дефриса. Послѣдній однако не признаетъ перенесенія зародышевыхъ частичекъ черезъ весь организмъ. По его мнѣнію, всѣ клѣточныя ядра въ организмѣ однородны, всѣ они содержатъ въ себѣ „пангены" (отчасти соотвѣтствующія „геммуламъ" Дарвина) всѣхъ видовъ. Клѣтки тѣла тѣмъ лишь отличаются отъ зародышевыхъ клѣтокъ и въ томъ лишь отношеніи являются построенными болѣе просто, что, для жизненныхъ отправленій клѣтки, ихъ протоплазмѣ требуются лишь немногія изъ пангенъ, заключающихся въ ихъ ядрѣ. Остальныя же пангены остаются въ ядрѣ въ покоящемся состояніи. Что же касается зародышевыхъ клѣтокъ, то онѣ потребляютъ гораздо большее количество своихъ пангенъ и могутъ передать дочернимъ клѣткамъ гораздо больше своихъ свойствъ: каждая клѣтка наслѣдуетъ лишь тѣ свойства, матеріальные носители которыхъ (пангены) перешли изъ ядра въ протоплазму.

Нэгели различаетъ въ зародышевой клѣткѣ (сперматозоѣ и яйцѣ) два вида вещества: идіоплазму и питательную плазму. Послѣдняя служитъ лишь для питанія, идіоплазма же обладаетъ свойствомъ наслѣдовать задатки, сохраняющіеся въ дремлющемъ состояніи. Идіоплазма и опредѣляетъ развитіе. Она состоитъ изъ тончайшихъ, невидимыхъ для насъ нитей, такъ называемыхъ мицеллей. Эти нити пронизываютъ не только зародышевыя клѣтки, но и остальныя

другимъ возрастомъ, тѣмъ или инымъ питаніемъ, здоровьемъ или болѣзненностью родительскихъ организмовъ.

Такія явленія, какъ сифилисъ, алкоголизмъ, дурное питаніе и друг., которыя вызываютъ нарушенія во всемъ организмѣ и въ частности въ питаніи зародышевыхъ клѣтокъ, не могутъ не оказывать косвеннаго вліянія на наслѣдственность. Отражаются и временныя нарушенія нормальнаго состоянія организма. Такъ, у здоровыхъ, ведущихъ вообще трезвую жизнь родителей, могутъ родиться дѣти, склонныя къ нервнымъ заболѣваніямъ и даже по-

---

клѣтки тѣла. Не задерживаясь оболочками клѣтокъ, онѣ проходятъ черезъ весь организмъ и образуютъ большую непрерывную сѣть. Свойства этой идіоплазмы вездѣ одни и тѣ же. Измѣненія въ идіоплазмѣ въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ организма воздѣйствуютъ на всю идіоплазму. Такимъ образомъ, когда отъ родительскаго организма отдѣляется зародышевая клѣтка, она имѣетъ совершенно тѣже свойства, какъ идіоплазма всего родительскаго организма. Поэтому она и способна передать новому индивиду всѣ тѣ свойства, которыми, ко времени ея отдѣленія, обладалъ организмъ родителя.

Въ послѣднее время всего больше сторонниковъ нашла теорія *Вейсмана*. По его ученію, каждая клѣтка (слѣдовательно и зародышевая клѣтка) состоитъ изъ 2-хъ видовъ плазмы: идіоплазмы, обусловливающей развитіе клѣтокъ, и цитоплазмы, исполняющей лишь роль питательнаго вещества (въ этомъ сходство съ воззрѣніями Негели). У зародышевыхъ клѣтокъ (сперматозоя и яйца) идіоплазма заложена въ ядрѣ и называется, по Вейсману, зародышевой плазмой. Зародышевая плазма состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ-біофоръ, въ свою очередь соединяющихся въ сложныя образованія, детерминанты. Въ зародышевой плазмѣ содержится, по крайней мѣрѣ столько детерминантъ, сколько для образованія готоваго организма должно развиться изъ зародыша клѣточныхъ группъ. Каждая клѣточная группа, играющая опредѣленную роль въ организмѣ, предполагаетъ существованіе въ зародышѣ своей детерминанты, которая должна послужить центромъ ея образованія. Значительное число детерминантъ соединяется, по Вейсману, въ единицы, еще болѣе сложныя, такъ называемыя иды. Нѣкоторыя иды во всей своей цѣльности переносятся изъ одного организма въ другой. У другихъ же, уже при первомъ дѣленіи, клѣтка ихъ расщепляется пополамъ. При дальнѣйшемъ дѣленіи клѣтокъ это расщепленіе идетъ еще глубже, такъ что въ концѣ-концовъ каждая изъ клѣтокъ тѣла об-

мѣшательству, если въ моментъ зачатія ребенка кто-либо изъ родителей былъ пьянъ. По изслѣдованіямъ Гертвига, живая клѣтка можетъ быть захлороформирована, и въ такомъ состояніи въ ней замѣчаются отклоненія отъ нормы, именно въ нее можетъ проникнуть тогда больше одного смерматозоя, что вноситъ полное разстройство въ актъ оплодотворенія. Очень вѣроятно, что тоже происходитъ и при опьяненіи одного изъ родителей. Зародышевыя клѣтки оказываются тогда менѣе пригодными къ выполненію своихъ функцій, не получается надлежащаго равновѣсія мужского и женскаго элементовъ, что́ и ве-

---

ладаетъ лишь одною детерминантой, опредѣляющею развитіе этой клѣтки. Тѣ же иды, которыя, не расщепляясь, остаются нераздѣленнымъ цѣлымъ, служатъ для образованія зародышевыхъ клѣтокъ новаго индивида. Такъ какъ иды этихъ зародышевыхъ клѣтокъ снова, какъ цѣлое, наслѣдуются индивидомъ ближайшаго поколѣнія, то части зародышевыхъ клѣтокъ отдаленнѣйшихъ предковъ передаются всѣмъ потомкамъ, чѣмъ обусловливается „непрерывность зародышевой плазмы“.

Такъ какъ свойства новаго индивида обусловливаются свойствами зародышевой плазмы, заключающейся въ сперматозоѣ и яйцѣ, а эта зародышевая плазма передается изъ поколѣнія въ поколѣніе въ неизмѣнномъ видѣ, то, по мнѣнію Вейсмана, „пріобрѣтенныя“ свойства и не могутъ передаваться отъ родителей къ дѣтямъ. Ненаслѣдованіе „пріобрѣтенныхъ“ свойствъ выведено Вейсманомъ, конечно, не изъ теоріи, а наоборотъ: теорія построена, чтобы объяснить отрицаемое имъ наслѣдованіе „пріобрѣтенныхъ“ качествъ. Взгляды де-Фриса приближаются въ этомъ отношеніи къ воззрѣніямъ Вейсмана. Противоположность его теоріи представляютъ, какъ мы видѣли, теоріи Дарвина и Нэгели, допускающія полную возможность наслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ.

Несходство между младшими и старшими поколѣніями и образованіе новыхъ видовъ Вейсманъ объясняетъ тѣмъ, что половое размноженіе, благодаря смѣшенію отцовской и материнской зародышевой плазмы, создаетъ огромное количество разновидностей зародышевой плазмы, изъ которой образуются новые индивиды. Эти новыя разновидности могутъ унаслѣдоваться и дальше и послужить началомъ образованія соотвѣтственныхъ разновидностей, если онѣ окажутся цѣлесообразными и способными одержать верхъ надъ другими въ борьбѣ за существованіе.

детъ къ различнымъ ненормальностямъ въ образованіи новаго индивида. Очень можетъ быть, что на счетъ этого же обстоятельства должна быть отнесена и часть случаевъ мертворожденій.

Наибольшій интересъ для соціологіи въ вопросѣ о наслѣдственности представляетъ вопросъ о наслѣдованіи интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ. Духовныя свойства не поддаются измѣренію, поэтому при сравненіи свойствъ родителей и дѣтей неизбѣжны неточныя субъективныя сужденія. Передачу по наслѣдству извѣстныхъ склонностей пытались доказать на основаніи того, что извѣстный процентъ дѣтей берется за профессію родителей. Но большею частью это приходится отнести на счетъ соціальныхъ условій, а не наслѣдственности. Болѣе осязательные результаты можно получить при изученіи наслѣдственности ненормальныхъ свойствъ, напримѣръ, душевныхъ болѣзней, глухоты и нѣмоты и т. д. Различные изслѣдователи указываютъ, что душевныя болѣзни являются унаслѣдованными въ 20 и до 85% случаевъ. По даннымъ американскаго института, отъ глухонѣмыхъ родителей рождается до 30% глухонѣмыхъ дѣтей. Если глухонѣмымъ является только одинъ изъ родителей, процентъ глухонѣмыхъ среди дѣтей понижается вдвое, до 15. Если принять даже самыя меньшія изъ цифръ, наслѣдственность ненормальныхъ качествъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. А если наслѣдуются отклоненія отъ нормы, то несомнѣнно наслѣдуются и самыя душевныя свойства.

Но если наслѣдуются душевныя свойства вообще, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что свойства, пріобрѣтенныя упражненіемъ или ученіемъ, передаются дѣтямъ въ готовомъ видѣ. Ребенокъ не рождается на свѣтъ съ знаніемъ языка своихъ родителей, съ умѣніемъ вести хозяйство,—даже если мать его была превосходнѣйшей хозяйкой,—съ умѣніемъ рѣшать простѣйшія математическія задачи, даже если отецъ былъ геніальнѣйшимъ математикомъ. Всему этому новорожденному придется еще на-

учиться. Но одни научаются лучше и скорѣе, чѣмъ другіе, проявляя большія или меньшія «способности» къ ученію, и въ этомъ-то и сказывается наслѣдственность. У родителей здоровыхъ и богато одаренныхъ въ умственномъ отношеніи не родятся тупыя дѣти. Правда, указываютъ случаи рожденія глупыхъ дѣтей у образованныхъ родителей. Но такъ называемое образованіе очень часто бываетъ совершенно внѣшнимъ, нисколько не свидѣтельствующимъ о высокомъ умственномъ уровнѣ человѣка. Затѣмъ нерѣдко бываетъ, что при смѣшеніи отцовскаго и материнскаго начала получается неблагопріятная комбинація, хотя отъ этихъ же родителей можетъ родиться и хорошо одаренное дитя. Аммонъ даетъ такой примѣръ. Очень умный, но лѣнивый отецъ и не особенно умная, но обладающая большою работоспособностью мать могутъ родить сына, у котораго высокая интеллигентность отца соединится съ усидчивостью матери. Но они же могутъ произвести сына, отличающагося лѣнью отца и глупостью матери. Въ другихъ дѣтяхъ родительскія свойства могутъ встрѣтиться въ самыхъ различныхъ комбинаціяхъ. Преобладаніе отцовскаго или материнскаго начала стоитъ, вѣроятно, въ зависимости отъ большей или меньшей жизненной энергіи отца или матеріи,—энергіи, представляющей очень измѣнчивую величину, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ условій.

Душевныя свойства ребенка очень часто и до сихъ поръ еще разсматриваются какъ нѣчто совершенно случайное, дарованное судьбой. И это, конечно, глубокое заблужденіе. Задатки ребенка такъ же точно обусловлены дѣйствіемъ неизмѣнныхъ законовъ природы, какъ обусловлено ими проявленіе тѣхъ силъ природы, которыми мы пользуемся для нашихъ техническихъ цѣлей. Эти задатки опредѣляются въ тотъ моментъ, когда происходитъ сліяніе въ одну клѣтку сперматозоя и яйца. Измѣнить структуру сливающихся зародышей невозможно, поэтому вліять на свойства будущихъ поколѣній можно, лишь огра-

ничивая возможность дѣторожденія отъ такихъ лицъ, отъ кого можно ждать негоднаго потомства.

Въ культурныхъ государствахъ и существуютъ различныя *ограниченія брака*. Такъ, воспрещается бракъ между восходящими и нисходящими родственниками (относительно степени родства, исключающей возможность брака, существуетъ большое разнообразіе по отдѣльнымъ государствамъ). Иногда поводомъ для воспрещенія брака является не дѣйствительное даже, а мнимое родство. Такъ, воспрещается бракъ съ крестнымъ отцомъ, браки съ родственницами жены и т. д. «Всѣ такія явленія, когда мнимо-родственныя отношенія разсматриваются, какъ случаи настоящаго физіологическаго родства, являются, — говоритъ Руппинъ, — классическимъ примѣромъ того, что обычай часто выходитъ изъ границъ своей первоначальной области и втягиваетъ въ свой кругъ и такія отношенія, которыя могутъ быть сближены съ нимъ лишь при посредствѣ грубыхъ аналогій».

Но, оставляя въ сторонѣ случаи мнимаго родства, посмотримъ, насколько раціональнымъ представляется воспрещеніе браковъ между дѣйствительными родственниками. Самое воспрещеніе, восходящее къ сѣдой древности, не вытекало изъ какихъ-нибудь соображеній о вредѣ такихъ браковъ, и лишь впослѣдствіи для оправданія ограниченій были притянуты различныя раціоналистическія соображенія. Повидимому, папа Григорій I сослался (въ 605 г.) на указанія опыта, что отъ брака между двоюродными братьями и сестрами происходитъ плохое потомство.

При разсмотрѣніи этого вопроса теперь очень часто ссылаются на ботаническія аналогіи. Природа прибѣгаетъ къ всевозможнѣйшимъ средствамъ для того, чтобы ограничить или исключить самооплодотвореніе цвѣтовъ, такъ какъ лишь при перекрестномъ опыленіи получаются вполнѣ доброкачественныя сѣмена. А браки, наприм., между братьями и сестрами могутъ въ извѣстномъ смыслѣ раз-

сматриваться какъ самооплодотвореніе, такъ какъ братъ и сестра происходятъ отъ общаго родительскаго корня. Но эти аналогіи не представляютъ, конечно, прямого доказательства.

При опытахъ надъ животными получились противорѣчивые результаты. Въ Англіи нѣкоторые изъ знаменитыхъ скотоводовъ получали путемъ спариванія ближайшихъ родичей превосходныя породы овецъ, камолаго скота, чистокровныхъ лошадей. Но въ то же время есть указанія, что такое спариваніе даетъ хорошее потомство лишь въ предѣлахъ опредѣленнаго числа поколѣній. Крампе показалъ, что прирученныя крысы при спариваніи ближайшихъ родичей родили здоровыхъ индивидовъ лишь до 18-го поколѣнія. Затѣмъ наступало вырожденіе, и благопріятный результатъ получался лишь при спариваніи съ индивидомъ, взятымъ со стороны. Рядъ яркихъ фактовъ, говорящихъ о вредѣ спариванія между родичами у животныхъ, приводитъ Ч. Дарвинъ. Англичанинъ Сибрайтъ доказалъ очень быстрое вырожденіе собакъ при спариваніи ближайшихъ родичей.

По отношенію къ человѣку нельзя доказать вреда браковъ между совсѣмъ близкими родичами, такъ какъ эти браки воспрещены во всѣхъ культурныхъ государствахъ. Но существуютъ браки между двоюродными, между дядями и племянницами, тетками и племянниками. (Въ Пруссіи въ 1900 г. на 1.000 брачущихся паръ приходилось 5,42 браковъ между двоюродными, 0,46 — между дядьями и племянницами, 0,08—между тетками и племянниками.) Относительно вліянія такихъ браковъ получаются довольно противорѣчивые отвѣты. Французскому врачу Вуазену пришлось подвергнуть изслѣдованію жителей общины Бацъ, лежащей на полуостровѣ въ устьѣ Луары и отрѣзанной со стороны материка горами. Въ общинѣ этой, ведущей изолированную жизнь, браки заключаются большею частью лишь между членами ея и очень часто между родичами. Браки между двоюродными

и троюродными давали здоровое и многочисленное потомство. Изъ 46 такихъ браковъ лишь 2 оказались бездѣтными; остальныя 44 пары имѣли (въ 1864 г.) 172 совершенно здоровыхъ дѣтей.

Аналогичное наблюденіе сдѣлано было докторомъ Бюхнеромъ въ 1859 году надъ жителями острова Шокланда въ Зюдерзее. Населенія здѣсь всего 600 — 700 душъ. Оно дѣлится на протестантовъ и католиковъ, при чемъ браковъ между лицами разныхъ вѣроисповѣданій не бываетъ. Большая часть брачущихся связаны болѣе или менѣе близкими узами родства, а между тѣмъ нѣтъ и намека на какое-либо вырожденіе: населеніе все крѣпкое и здоровое. Два учителя, работающіе на островѣ болѣе 25 лѣтъ, увѣряли доктора Бюхнера, что за все это время въ ихъ школѣ не было ни одного слабоумнаго и даже тупоумнаго ребенка.

Извѣстно также, что у древнихъ персовъ, египтянъ, перуанцевъ не было никакихъ ограниченій браковъ между родичами, и преданія не говорятъ намъ о какихъ-либо вредныхъ послѣдствіяхъ такихъ браковъ.

Но на ряду съ такими указаніями, свидѣтельствующими противъ ученія о вредѣ браковъ между родичами, есть много данныхъ и въ пользу этого ученія. По изслѣдованію Джорджа Дарвина надъ домами для сумасшедшихъ и глухонѣмыхъ, оказалось, что изъ кліэнтовъ этихъ домовъ отъ 2,2 до 3,5% происходитъ отъ браковъ между родичами, тогда какъ количество такихъ браковъ въ Англіи вообще не составляетъ и 1%. По изслѣдованію американскихъ врачей, отъ браковъ между родичами на сто рожденій приходится до 64% больныхъ или ненормально развитыхъ дѣтей. По даннымъ прусской статистики за 1895 г. у евреевъ, у которыхъ браки между родичами вдвое чаще, чѣмъ у христіанъ, было вдвое больше душевнобольныхъ (4,92 на 1.000 у евреевъ; 2,53 у христіанъ). Значительно выше было также число слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Конечно, все это могло зависѣть и не отъ

заключенія браковъ между родичами, а отъ плохихъ экономическихъ условій жизни, отъ дурной гигіенической обстановки.

Нибуръ приписываетъ вырожденіе нѣкоторыхъ княжескихъ домовъ и большое количество случаевъ душевныхъ болѣзней у нихъ тому обстоятельству, что въ теченіе долгаго времени браки здѣсь заключаются лишь въ тѣсномъ кругу.

Штида подвергъ изслѣдованію 89 департаментовъ Франціи, чтобы выяснить, не существуетъ ли параллелизма между количествомъ браковъ, между родичами и числомъ ненормальныхъ дѣтей (идіотовъ, кретиновъ, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ). Оказалось, что въ 44 департаментахъ, гдѣ число браковъ между родичами составляло 9,20 на тысячу, на 1.000 дѣтей приходилось 2,65 ненормальныхъ; въ 45 остальныхъ департаментахъ, гдѣ было 14,8% браковъ между родичами, % ненормальныхъ дѣтей составлялъ 3,12. По мнѣнію Штида очевидно, что департаменты съ меньшимъ числомъ браковъ между родичами имѣютъ и меньшее число ненормальныхъ дѣтей. Съ другой стороны однако Штида полагаетъ, что браки между родичами не являются безусловно вредными для потомства. Въ случаѣ брака между совершенно здоровыми родичами, очень вѣроятно, что для потомства не послѣдуетъ никакихъ дурныхъ результатовъ. Но если родственники имѣютъ задатки какихъ-либо болѣзней, то бракъ между ними можетъ оказаться въ высшей степени вреднымъ для потомства. Это среднее мнѣніе—о безвредности браковъ между родичами въ случаѣ ихъ полнаго здоровья—пріобрѣтаетъ въ послѣднее время все больше и больше сторонниковъ. Вреднымъ оказывается, повидимому, не физіологическое сходство брачущихся, а сходство болѣзненныхъ задатковъ. Благодаря сліянію, эти задатки еще усиливаются у дѣтей, тогда какъ при разнородности строенія зародышей тѣ или другія отрицательныя стороны мужского и женскаго элементовъ могутъ взаимно

компенсироваться и уничтожаться. Въ настоящее время очень трудно найти абсолютно здоровыхъ людей. А такъ какъ даже мало замѣтныя ненормальности въ строеніи родителей могутъ сказаться у ихъ дѣтей въ значительно усиленной степени, то этимъ самымъ указуется отрицательное отношеніе къ бракамъ между родичами. Они представляютъ во всякомъ случаѣ очень рискованный опытъ. Въ Россіи не требуется новаго вмѣшательства законодательства въ эту область, такъ какъ нашими законами и теперь исключается возможность браковъ между болѣе или менѣе близкими родственниками. Но даже тамъ, гдѣ законъ не воспрещаетъ пока этого, не нужно, думаетъ Руппинъ, требовать ограниченія закономъ браковъ между родственниками. Нужно, чтобы противъ такихъ браковъ было общественное мнѣніе; нужно, чтобы для каждаго здоровье его будущихъ дѣтей стало такъ же дорого, какъ собственное, чтобы каждый проникся убѣжденіемъ въ большой опасности браковъ между близкими родственниками. Тогда такіе браки станутъ возможными лишь въ случаѣ непобѣдимаго влеченія между родичами, а подобное влеченіе часто является наилучшимъ доказательствомъ того, что такіе люди болѣе всего подходятъ другъ къ другу, какъ мужъ и жена, и что они родятъ здоровыхъ дѣтей.

Помимо случаевъ родства, законъ устанавливаетъ также ограниченія брака въ зависимости отъ возвраста. По вопросу о вліяніи возраста брачущихся на здоровье потомства существуетъ лишь одно обстоятельное изслѣдованіе, именно работа будапештскаго статистика Körösi. По его даннымъ, дѣти матерей моложе 20 лѣтъ гораздо больше подвержены болѣзнямъ, задатки которыхъ получены еще во чревѣ матери, чѣмъ дѣти старшихъ матерей. Что касается отцовъ, то самыя жизнеспособныя дѣти рождаются отъ отцовъ въ возрастѣ 30—40 лѣтъ. При значительной разницѣ лѣтъ между мужемъ и женой дѣти рождаются очень болѣзненными. По даннымъ Körösi,

женщины 30—35 лѣтъ не должны выходить замужъ ни за лицъ старше 50 лѣтъ, ни за очень молодыхъ. Въ томъ и другомъ случаѣ у нихъ могутъ родиться слабыя и склонныя къ заболѣванію водянкой мозга дѣти. Мужчины въ возрастѣ 20—30 лѣтъ не должны жениться на женщинѣ старше 35 лѣтъ, мужчины въ возрастѣ 50 лѣтъ—на женщинахъ моложе 35 (въ крайнемъ случаѣ 30) лѣтъ.

Въ общемъ эти данныя подтверждаютъ то, что установилось въ человѣческомъ обществѣ инстинктивно. Браки, въ которыхъ мужъ старше болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ или моложе болѣе чѣмъ на 10 лѣтъ своей жены, очень рѣдки. По даннымъ прусской статистики 1900 года, они составляли лишь $^3/_4\%$ всѣхъ браковъ.

Очень опасны для потомства браки душевнобольныхъ, сифилитиковъ, туберкулезныхъ. Но, при всемъ доказанномъ вредѣ подобныхъ браковъ, трудно бороться противъ нихъ законодательнымъ путемъ. Требованія относительно необходимости регулированія брачныхъ союзовъ закономъ раздаются очень давно. За него высказывались всѣ почти авторы утопій, начиная съ Томаса Мора и кончая Беллами. Его требовали врачи уже въ концѣ XVIII вѣка, но даже полицейское государство того времени не рѣшалось на вмѣшательство подобнаго рода. Всякое административное вмѣшательство въ это дѣло является нецѣлесообразнымъ уже потому, что оно лишь способствуетъ росту внѣбрачныхъ связей. И наоборотъ: число послѣднихъ уменьшается, разъ устраняются ограниченія брачныхъ союзовъ. По даннымъ Конрада съ 1861 по 1870 г. въ Германіи изъ всѣхъ случаевъ рожденія было 11,5% незаконныхъ, въ томъ числѣ въ Пруссіи — 8,5%, въ Баваріи — 21, въ Мекленбургъ-Шверинѣ — 18,5%. Въ двухъ послѣднихъ государствахъ существовали полицейскія ограниченія брачнаго права, совершенно не существовавшія или имѣвшіяся лишь въ смягченномъ видѣ въ остальной Германіи. Въ 1868 г. эти ограниченія были устранены и въ двухъ названныхъ государствахъ. Число

незаконныхъ рожденій тотчасъ же уменьшилось во всей Германіи до 8,9%, въ Баваріи—до 13,3%, въ Мекленбургъ-Шверинѣ—до 13,5%.

Но безсиліе полицейскихъ мѣръ въ дѣлѣ борьбы съ нежелательными браками вовсе не заставляетъ мириться съ ними, отказываться отъ всякихъ мѣръ противъ нихъ. Въ это дѣло долженъ вмѣшаться не законъ, но общество со своимъ кодексомъ нравственныхъ правилъ. Людей воспитываютъ теперь такъ, что, несмотря на всю силу инстинкта самосохраненія, они, не задумываясь, отдаютъ свою жизнь ради отчизны. Неужто же ради нея, ради блага общества они никогда не будутъ въ силахъ подавить половой инстинктъ? Если въ обществѣ твердо укоренится тотъ взглядъ, что лица психически и физически ненормальныя не имѣютъ права производить потомства, если противъ этого права будетъ громко говорить общественная мораль,—преступать ея предписанія будетъ не такъ-то легко. Міросозерцаніе современнаго человѣчества хотя медленно, но неизмѣнно пріобрѣтаетъ все болѣе общественный характеръ. По мѣрѣ того какъ для каждаго увеличивается возможность непосредственнаго участія въ направленіи жизни общества по нормальному пути, общество становится для него все болѣе близкимъ и дорогимъ. Придетъ время, когда не будетъ той жертвы, передъ которой человѣкъ остановился бы ради блага общества. Это будетъ тогда, когда въ этомъ обществѣ онъ будетъ видѣть воплощеніе своихъ лучшихъ идеаловъ, идеаловъ всего человѣчества, а не какого-либо отдѣльнаго класса. Тогда и только тогда безъ борьбы и безъ обмана откажется онъ отъ произведенія потомства, которое можетъ лечь тяжелымъ бременемъ на общество. И это можно сдѣлать, не насилуя человѣческой природы, потому что бракъ и дѣторожденіе вѣдь не одно и то же.

Переходимъ теперь къ *измѣнчивости* или *приспособляемости* съ точки зрѣнія ея роли въ соціальной жизни.

Цѣлью приспособленія является приведеніе организма въ возможно большее соотвѣтствіе съ естественными условіями существованія. Приспособленіе можетъ произвести лишь небольшія измѣненія организаціи; большія измѣненія могутъ быть достигнуты исключительно естественнымъ отборомъ.

Общественное значеніе приспособленія опредѣляется тѣмъ, что, благодаря ему, люди становятся въ физіологическомъ отношеніи болѣе пригодными къ выполненію общественныхъ задачъ. Еще важнѣе приспособленіе духовныхъ свойствъ въ общественной средѣ. Главнѣйшимъ средствомъ такого духовнаго приспособленія является воспитаніе. Предѣлы воспитанія ограничены. Воспитателю приходится считаться съ опредѣленнымъ матеріаломъ, даннымъ наслѣдственностью, и измѣнить самый характеръ этого матеріала представляется невозможнымъ. Нельзя измѣнить по существу данныхъ физическихъ свойствъ, можно лишь укрѣпить надлежащими упражненіями слабые органы, излѣчить то или другое болѣзненное состояніе. То же относится къ умственнымъ способностямъ, къ характеру. И они предопредѣляются наслѣдственностью; развитіе существующихъ задатковъ пойдетъ, подчиняясь опредѣленнымъ законамъ. Но вмѣшательствомъ воспитанія можно достигнуть того, что развитіе полезныхъ задатковъ будетъ усиленно, а вредныхъ задержано. Если добиться того, чтобы при всякомъ желаніи чего-либо худого въ умѣ ребенка непремѣнно возникали представленія о печальныхъ послѣдствіяхъ дурного поступка, то этимъ самымъ будетъ создано могущественное противодѣйствіе дурнымъ стремленіямъ, хотя самыя стремленія могутъ остаться и неискорененными. Эти противодѣйствующія представленія не должны быть даны непремѣнно сознательными усиліями воспитателя; они должны быть всосаны ребенкомъ незамѣтно изъ окружающей хорошей среды путемъ подражанія и привычки.

Руппинъ сравниваетъ душу новорожденнаго съ хими-

ческимъ веществомъ опредѣленнаго состава. Воспитаніе и среда прибавляютъ къ этому веществу (въ видѣ представленій) постоянно новыя частички, оказывающія извѣстное воздѣйствіе на первоначальное вещество въ томъ смыслѣ, что одни свойства его усиливаются, другія нейтрализуются. Цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы открыть доступъ къ первоначальному веществу (прирожденнымъ свойствамъ) лишь тѣмъ частичкамъ (представленіямъ), которыя усиливаютъ хорошіе задатки и будутъ противодѣйствовать дурнымъ свойствамъ. Вносить эти представленія именно въ молодомъ возрастѣ нужно потому, что тогда въ юной душѣ имѣется еще очень небольшой запасъ представленій, почему каждое новое представленіе является существенною частью всего круга представленій и дѣйствуетъ съ большой силой. Чѣмъ болѣе расширяется кругъ представленій, тѣмъ слабѣе дѣйствіе каждаго вновь присоединяющагося представленія. Достичь того, чтобы при всякомъ побужденіи къ дѣйствію въ умѣ ребенка совершенно произвольно, путемъ ассоціаціи мыслей, возникалъ желательный комплексъ представленій, возможно лишь при надлежащемъ вниманіи къ индивидуальности ребенка. Такая же индивидуализація необходима и при развитіи интеллектуальныхъ качествъ. Главная задача интеллектуальнаго воспитанія заключается въ томъ, чтобы распознать задатки ребенка и затѣмъ предоставить ему такой матеріалъ для изученія, который больше всего подходитъ къ этимъ задаткамъ. Содержаніе школьнаго курса не должно быть одинаково для всѣхъ учениковъ. Съ того времени, какъ опредѣлятся спеціальныя способности учащихся, послѣдніе должны быть распредѣлены, по крайней мѣрѣ, по тремъ параллелямъ, въ зависимости отъ склонности къ языкамъ, математикѣ и естествознанію. Очень можетъ быть, что на ряду съ этими тремя научными параллелями слѣдовало бы устроить еще художественную для дѣтей съ соотвѣтственными способностями. Но на какой бы параллели ни получали

свое образованіе учащіеся, цѣль воспитанія остается одною и тою же. Именно, изъ дѣтей должны быть воспитаны такіе люди, которые возможно болѣе приспособлены къ выполненію соціальныхъ обязанностей.

Задача *общественнаго* перевоспитанія гораздо труднѣе, чѣмъ индивидуальнаго. Педагогу приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, умъ которыхъ еще бѣденъ преставленіями и потому легко воспріимчивъ къ новымъ; общественному же дѣятелю, желающему вести общество по новому пути, приходится считаться съ укоренившимися взглядами, съ традиціей, власть которой надъ умами громадна. Подобно тому, какъ физически мы опредѣляемся свойствами нашихъ предковъ, такъ традиція представляетъ то духовное наслѣдіе предковъ, отъ котораго никуда не уйдешь. Вліяніе традиціи многосторонне и во многихъ отношеніяхъ благотворно. Только благодаря традиціи, благодаря тому, что ею закрѣплены способы воздѣйствія на природу, сохранены всѣ умственныя завоеванія и культурныя блага, и возможенъ прогрессъ. Только потому, что завоеванія техники, культуры, цивилизаціи передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, и возможно все новое и новое накопленіе ихъ; иначе постоянно приходилось бы начинать все съ начала. Корни всякой науки и практическаго искусства—въ традиціи, и потому даже въ борьбѣ съ традиціей приходится пользоваться ея же орудіемъ. И въ этой борьбѣ человѣкъ освобождается не отъ традиціи вообще, а отъ какой-либо узкой традиціи, традиціи кружка, привилегированнаго класса и т. д.

Могущество традиціи объясняется силою первыхъ впечатлѣній, внушаемыхъ окружающей средой. Эти первыя впечатлѣнія придаютъ опредѣленную окраску душевному складу, настраиваютъ его на опредѣленный тонъ, такъ что и впослѣдствіи онъ откликается лишь на опредѣленныя впечатлѣнія, могущія найти резонансъ въ душевныхъ струнахъ, или преобразуетъ, сообразно своему характеру, каждую новую идею. Власть этихъ первыхъ впе-

чатлѣній, власть симпатій, сложившихся въ молодыхъ годахъ, часто непреодолима. Человѣкъ можетъ убѣдить себя въ полной ихъ неразумности и въ концѣ-концовъ дѣйствуетъ очень часто не по указаніямъ своего разума, а подъ вліяніемъ этихъ влеченій.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и склонность идти по протореннымъ дорожкамъ. Новые, неизвѣданные пути пугаютъ, особенно людей со слабой волей и слабымъ умомъ,—людей, всю жизнь не выходящихъ изъ состоянія дѣтства. А такихъ вѣдь очень и очень много. «Такъ жили наши отцы и жили хорошо, зачѣмъ же намъ искать чего другого?» разсуждаютъ они и слѣпо слѣдуютъ старымъ обычаямъ, старымъ предписаніямъ. Пусть даже эти нормы и догматы, раціональные въ свое время, потеряли всякій смыслъ при измѣнившихся условіяхъ жизни,—все равно. «Такъ предписывается, этого довольно, значитъ нужно исполнять. А искать смысла предписаній—не наше дѣло».

Но при всей силѣ традиціи, при всей косности значительной части общества нельзя, конечно, отказываться отъ задачъ общественнаго воспитанія, нельзя преклоняться предъ исторически сложившимся и ждать, пока оно само собой, стихійнымъ образомъ преобразуется въ новое, желательное. Возможно выдвигать новые идеалы и вести общество по новымъ путямъ. Но при этомъ нужно считаться съ исторически сложившимися условіями. Нужно, чтобы этотъ идеалъ не висѣлъ въ воздухѣ, не былъ утопіей. Нужно, чтобы люди были подготовлены къ его воспріятію, чтобы ихъ охватила вѣра въ необходимость бороться за его осуществленіе, и тогда онъ войдетъ въ жизнь. Но и тогда не сразу. Пусть даже побѣдитъ новое, но и старое будетъ имѣть еще много и много сторонниковъ, почему всегда возможна реакція въ пользу прошлаго. Такъ и бывало неоднократно въ исторіи. Но шло время. Тяготѣніе къ прошлому становилось все слабѣе. Люди убѣждались, что новыя условія жизни требуютъ и новыхъ формъ, что новое цѣлесообразнѣе стара-

го,—и господство реакціи дѣлалось все кратковременнѣе, а, наконецъ, сторонники отжившаго свой вѣкъ прошлаго становились раритетами.

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ обществѣ съ третьимъ принципомъ теоріи развитія, именно принципомъ *отбора путемъ борьбы за существованіе.*

Въ этотъ принципъ условія общественнаго существованія человѣка вносятъ очень и очень большія видоизмѣненія. Очень важное различіе обусловливается прежде всего тѣмъ, что человѣкъ борется за свое существованіе не голыми руками, а съ помощью орудій. Къ внѣшнему міру поэтому должны быть, главнымъ образомъ, приспособлены эти орудія, а не органы человѣка. Наибольше шансовъ на побѣду въ жизненной борьбѣ имѣетъ поэтому человѣкъ, обладающій не наилучшими органами, а наилучшими орудіями. Помимо пользованія орудіями, другимъ важнымъ отличіемъ человѣка отъ животныхъ являются его высокія умственныя дарованія; въ связи съ этимъ и въ борьбѣ между людьми рѣшающее значеніе имѣютъ не физическія, а умственныя силы человѣка.

Еще болѣе важныя измѣненія вносятся общественнымъ строемъ. Результаты личной работы человѣка опредѣляются не столько природными условіями, сколько правовыми отношеніями. Человѣкъ можетъ производить своимъ трудомъ огромныя богатства и въ то же время не имѣть никакихъ правъ на пользованіе ими, если не ему принадлежатъ орудія производства. Въ дѣлѣ обезпеченія за собою этихъ правъ выдающіяся физическія силы, превосходное здоровье и т. д. не играютъ никакой роли. Очень часто оказываются совершенно безсильными и высокія умственныя дарованія, обширныя знанія, рѣдкія нравственныя качества. Насмѣшливымъ отношеніемъ толпы къ «непрактичности» высокообразованныхъ людей, ученыхъ подтверждается тотъ фактъ, что побѣда въ борьбѣ а лучшее положеніе достается не уму и знанію, а большею частью хитрости и беззастѣнчивости.

Но права не только завоевываются лично, но и пріобрѣтаются по наслѣдству, и это наслѣдованіе общественнаго положенія и матеріальныхъ богатствъ вноситъ въ принципъ борьбы крупнѣйшія видоизмѣненія. Оно совершенно извращаетъ его по сравненію съ тѣмъ, что существуетъ въ животномъ царствѣ. О какомъ естественномъ отборѣ можетъ быть рѣчь, если предъ сыномъ милліонера, будь онъ физическимъ и нравственнымъ уродомъ, широко раскрываются всѣ двери, цвѣтами усыпается жизненный путь, а предъ сыномъ бѣдняка воздвигаются такія препятствія, которыхъ не въ силахъ преодолѣть даже даровитѣйшій человѣкъ. «Человѣкъ собираетъ богатства,—замѣтилъ еще Дарвинъ,—и оставляетъ ихъ своимъ дѣтямъ, почему дѣти богачей, независимо отъ своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ свойствъ, имѣютъ въ борьбѣ преимущество предъ дѣтьми бѣдняковъ».

Различіе между естественнымъ и соціальнымъ отборомъ очень ярко иллюстрируется статистическими данными. Такъ, по Конраду, на 100 законныхъ дѣтей въ теченіе перваго года жизни въ городѣ Галле умирало: у высшихъ классовъ населенія въ 1858—62 г.—13,04, въ 1870—74г.—10,01; у рабочихъ—16,28 и 20,26.

Въ Пруссіи въ 1880—88 г. на 100 рожденій мертворожденныхъ въ семьяхъ нищихъ было 6,28, въ семьяхъ чиновниковъ—3,34, военныхъ—3,20. Умерло до 1 году на 100 родившихся: у первыхъ—42,15, у вторыхъ—20,31, у третьихъ—19,37. По даннымъ датской статистики (1890) въ семьяхъ высшихъ чиновниковъ, фабрикантовъ, богатыхъ купцовъ изъ 100 дѣтей до 1 году умерло 24,5, въ семьяхъ рабочихъ—31,5.

Замѣчается также большая разница въ смертности законныхъ и незаконныхъ дѣтей, и эта разница обусловливается, конечно, исключительно соціальными, а не естественными причинами, такъ какъ отъ природы незаконныя дѣти вовсе не слабѣе законныхъ. Процентъ же смертности, какъ видно изъ приводимой ниже таблицы, у незаконныхъ дѣтей въ полтора раза выше средняго.

На 100 дѣтей, рожденныхъ живыми, умерло до году:

СТРАНЫ:	Періодъ наблюденія.	Всего.	Изъ числа незаконныхъ.
Италія	1884—93	19,0	26,0
Франція	1883—90	16,7	28,8
Швейцарія	1884—93	16,4	24,0
Бельгія	1884—93	16,3	24,6
Голландія	1885—93	17,5	26,6
Пруссія	1884—93	20,8	35,7
Баварія	1884—93	27,9	35,3
Саксонія	1883—93	28,3	38,9
Вюртембергъ	1884—93	26,1	32,0
Австрія	1883—92	24,9	30,3
Норвегія	1883—91	9,5	15,3
Финляндія	1884—93	14,9	19,2
Болгарія	1883—92	9,8	16,5
Испанія	1878—82	19,2	30,3

Цифры эти доказываютъ безусловную лживость утвержденій, будто бы (говоря словами нѣмецкаго автора Otto Zacharias) «громадная дѣтская смертность большихъ городовъ является воротами, черезъ которыя уходятъ тѣ молодыя жизни, для какихъ не приготовлено прибора за огромнымъ пиршественнымъ столомъ природы». «Пиршество *природы*» и естественный отборъ совершенно не при чемъ тамъ, гдѣ все объясняется соціальными причинами, въ особенности распредѣленіемъ дохода и владѣній.

Разница въ соціальномъ положеніи создаетъ разницу въ смертности не только дѣтей, конечно, но и взрослыхъ.

По даннымъ англійской статистики, въ 1880—82 г. на 1.000 чел. умирало: на все мужское населеніе въ возрастѣ 25—45 л.—10,16; въ возрастѣ 45—65 л.—25,27; среди духовенства въ первомъ возрастѣ—4,64, во второмъ—15,93; среди учителей—6,09 и 16,53; врачей—11,57 и 28,03; рабочихъ—20,62 и 50,85; безработныхъ—32,43 и 32,60; служащихъ въ гостиницахъ и трактирахъ 22,63 и 55,60.

Все это говоритъ за то, что *естественный отборъ не имѣетъ* существеннаго значенія въ современномъ обществѣ. Но долженъ ли имѣть? Должно ли давать вымирать физически слабымъ, слѣдуя предписанію Ницше: «Неизлѣчимому не нужно давать врача! Что падаетъ, нужно еще толкнуть! Слабые и неудачники должны погибнуть. И нужно содѣйствовать ихъ гибели». Въ этомъ предписаніи смѣшиваются вмѣстѣ и соціально и физически слабые. Но даже если бы и не было этого смѣшенія, если бы рѣчь шла лишь о физически слабыхъ, то и тогда это безчеловѣчное предписаніе не заслуживало бы оправданія съ общественной точки зрѣнія.

Многіе величайшіе люди, напримѣръ: Кантъ, Байронъ, Шиллеръ, Бетховенъ, отличались такими физическими недостатками, что должны были бы неминуемо погибнуть при господствѣ естественнаго отбора. Для общества всего важнѣе существованіе въ немъ людей съ высокими соціальными и моральными инстинктами. Ими, а не физически сильными оно крѣпче всего. Для общества были бы прямо невыгодны тѣ гекатомбы, при помощи которыхъ достигаетъ совершествованія видовъ природа. Для него важно сохраненіе возможно большаго числа жизней и приспособленіе этихъ жизней къ общественнымъ цѣлямъ. Все, что сохраняетъ жизнь, особенно жизнь общественно-полезныхъ членовъ, является цѣлесообразнымъ съ общественной точки зрѣнія, какъ бы это ни противорѣчило стихійной борьбѣ за существованіе. Особенно цѣлесообразны такія мѣры, какъ установленная закономъ

защита рабочихъ, не позволяющая губить ихъ жизнь и здоровье вредными и изнурительными работами, какъ взаимопомощь и союзы, устраняющіе борьбу между людьми и облегчающіе ихъ борьбу со стихійными условіями. Пока существуетъ борьба между членами общества, должны быть уравнены шансы этой борьбы. Въ особенности должны быть устранены всякія преграды для доступа къ образованію, вплоть до высшаго, такъ какъ образованіе даетъ оружіе борьбы, наиболѣе достойное человѣка. Но должно придти время, когда прекратится борьба изъ-за эгоистическихъ интересовъ, и если будетъ существовать соревнованіе, то лишь въ томъ, чтобы возможно больше сдѣлать для общества.

Въ человѣческомъ обществѣ вносится много видоизмѣненій не только въ естественный, но и въ *половой отборъ*. Но все-таки послѣдній продолжаетъ играть важную роль. Людей часто влечетъ съ непреодолимой силой другъ къ другу и только другъ къ другу. То, что именно данная пара явится родителями своего потомства, не можетъ не имѣть огромнаго вліянія на физическія и духовныя свойства дѣтей. Благодаря этому, индивидуальная любовь является существеннымъ соціальнымъ факторомъ. Непреодолимость любовнаго влеченія свидѣтельствуетъ, повидимому, о томъ, что данная пара больше всего подходитъ другъ къ другу для произведенія на свѣтъ наилучшаго потомства. Еще Шопенгауэръ говорилъ, что человѣкъ только воображаетъ, будто онъ ищетъ личнаго наслажденія, собственнаго счастія; въ дѣйствительности же имъ руководитъ инстинктъ рода. Ради воплощенія въ своемъ потомствѣ возможно высокаго человѣческаго типа, а не ради самихъ себя сходятся данный мужчина и данная женщина. Оттого инстинктивно тянетъ другъ къ другу красивыхъ, но оттого же часто сходятся противоположности, взаимно пополняющія недостатки другъ друга.

Патологъ Циглеръ высказалъ недавно взглядъ, что ненормальности въ развитіи дитяти обусловливаются тѣмъ, что при его зачатіи соединились сперматозой и яйцо, по структурѣ своей непригодныя для взаимнаго соединенія. А это бываетъ тогда, когда отецъ и мать не подходятъ другъ къ другу по своей организаціи. Быть можетъ, говоритъ Руппинъ, индивидуальная половая любовь и является компасомъ, ведущимъ другъ къ другу людей, подходящихъ для произведенія нормально развитыхъ дѣтей, и удерживающимъ другъ отъ друга неподходящихъ взаимно.

Но естественныя влеченія не являются единственно опредѣляющими въ обществѣ. Если присмотрѣться къ цифрамъ возрастнаго состава брачущихся, до становится очевиднымъ, что въ заключеніи браковъ важную роль играетъ не только любовь, но и матеріальныя соображенія. Иначе трудно объяснить, почему въ Пруссіи (въ 90-хъ годахъ) горнорабочіе вступали въ бракъ, въ среднемъ, въ возрастѣ 27,5 л., а чиновники—33,4, почему въ годы хозяйственнаго процвѣтанія число браковъ гораздо выше, чѣмъ въ годы кризисовъ. То, что въ обществѣ, особенно въ привилегированныхъ слояхъ его, браки гораздо въ большей степени опредѣляются матеріальными, сословными и другими соображеніями, чѣмъ любовными влеченіями, — общеизвѣстный фактъ. И эти «браки по разсудку» являются несомнѣнно вредными съ общественной точки зрѣнія, такъ какъ заставляютъ сходиться людей, ничего общаго между собой не имѣющихъ. Помимо личной неудовлетворенности для такихъ паръ, браки эти дурно отражаются и на потомствѣ. Общество получаетъ въ лицѣ рождающагося отъ такихъ паръ поколѣнія далеко не такихъ полезныхъ членовъ, какихъ могло бы получить отъ подходящей пары.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ человѣческомъ обществѣ по отношенію ко всѣмъ біологическимъ принципамъ приходится примѣнять общественную точку зрѣнія.

Всѣ проявленія жизненной силы въ человѣческомъ обществѣ должны регулироваться и направляться въ интересахъ этого общества, каждый долженъ быть готовъ пожертвовать всѣмъ для общества, но, съ другой стороны, каждый долженъ встрѣчать въ немъ необходимую поддержку, видѣть въ немъ идеалъ, для котораго, говоря словами Руппина, радостно жить и умереть.